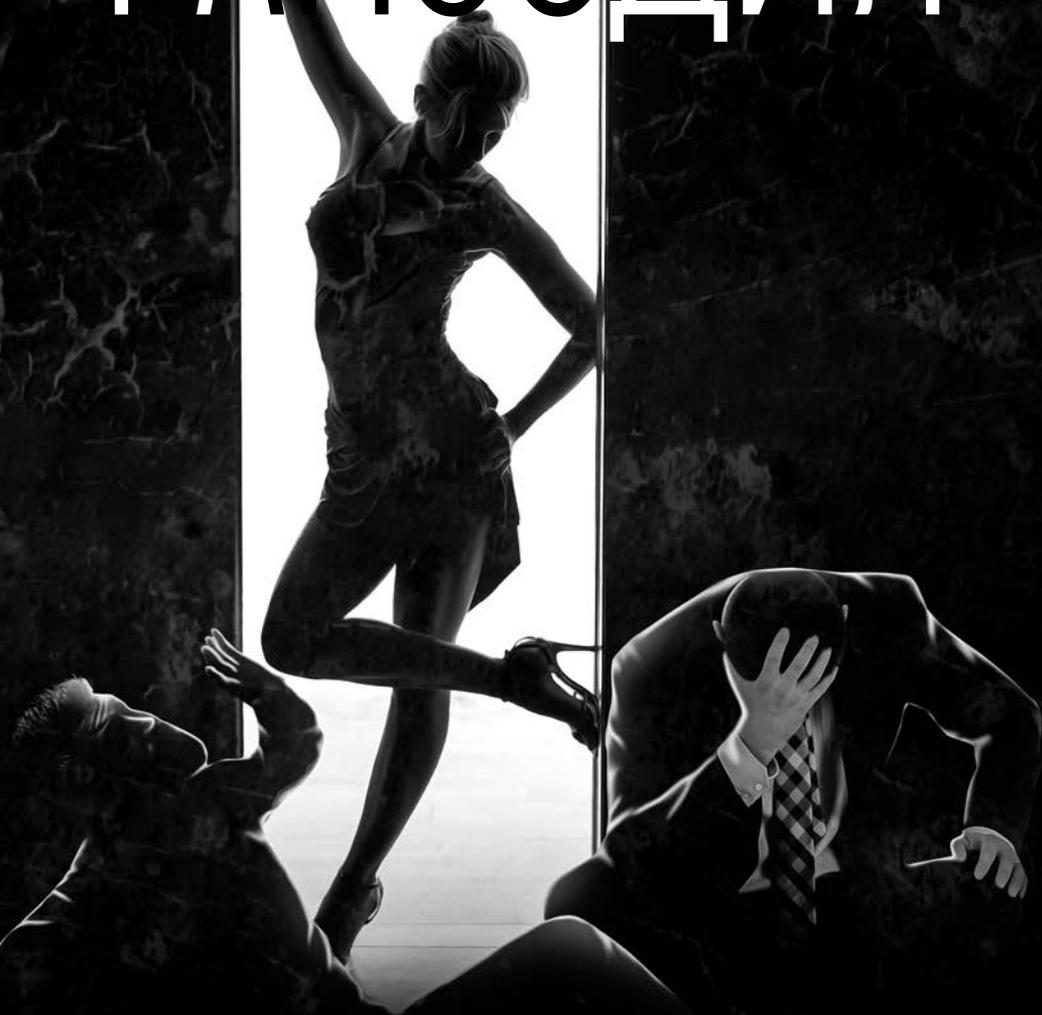

ЛЕВАНТИЙСКАЯ РАПСОДИЯ

ЗОРИЙ ШОХИН

ЗОРИЙ ШОХИН

ЛЕВАНТИЙСКАЯ
РАПСОДИЯ

БОСТОН • 2022 • BOSTON

Зорий Шохин. *Левантийская рапсодия*
Zoriy Shokhin. *Levantine Rhapsody*
(Levantiiskaya rapsodiya)

Корректоры: Елена Левицкая, Юлия Грушко

Публикуется в авторской редакции

Copyright © 2022 by Zoriy Shokhin

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319848

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Дизайн обложки: *Germancreative* © 2022

Дизайн книги: Юлия Тимошенко

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator**[™] (www.batov.ru)

Printed in the U.S.A.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Сука	7
Часть 2. В чужом обличье	64
Часть 3. Гриф и канарейка	98

ЧАСТЬ I

СУКА

I

— Ты с ним трахалась? Я спрашиваю: ты с ним трахалась? Что? Не слышишь? Не вздумай врать...

По синеватым губам Мики пробежала нервная змейка.

— С этим толстомордым козлом? — собственный голос скрежетал в моих ушах как диск электрической пилы, вонзившейся в камень.

Мики вздрогнула и судорожно вздохнула.

— Нет!

Я видела, что ещё одно слово, и она расплчется.

— Он сказал, что упрячет меня за решётку. С тобой вместе. И что мы вонючие лесбиянки...

Меня колотило. Ярость выжгла в памяти сытую морду, уже наметившийся двойной подбородок и толстые жадные губы. Наглые маслянистые глаза его всегда тебя раздевают. Пятидесятипятилетний козёл. Он ничего во мне, кроме злости и отвращения, не вызывал.

Я представляла себе, как он прижимает Мики к столу. Нежную, хрупкую! Как по-хозяйски приподнимает подол платья, сунёт ей под трусы свои загребущие пальцы и лапает кофейного цвета бёдра и при этом жадно облизывает нижнюю губу. Похотливый самец, сукин сын, скот! Кус сохта¹!

Это нашло на меня не как галлюцинация у параноика. Навязчивая, яркая голограмма.

От Кармона меня воротит не только из-за его внешности. Ещё и от запаха: смеси дезодоранта и пота, который не смывается никакой струёй душа.

— Пошла отсюда!

Мики стояла как вкопанная.

¹ Кус сохта — матерное ругательство на арабском языке.

— Не слышишь? Пошла вон!

В ней словно что-то сломалось. Движения стали неживыми. Какими-то кукольными. Словно у кукловода в руках перепутались ниточки, и кукла перестала его слушаться. Меня переполнял худший вид ярости — ревность.

— Норма!

— Я сказала — убирайся!

Она растерянно подошла к двери и открыла её. Слегка оглянувшись и отрешённо прикрыла с другой стороны.

Нервы были напряжены до предела. Ещё секунда, и они бы лопнули. Выпустив из себя тонну воздуха, я подошла к кухонной полке и вытащила бутылку «Курвуазье». Его приносил обычно другой наш клиент — импортёр дорогих вин из Франции. Налила в бокал и стала медленно пить. Дёсны жгло. В носу отчаянно щекотало.

Потом подошла к двери и открыла её. Мики сидела на корточках, обхватив руками прижатую к коленям голову. Ей просто некуда было идти. Как и мне, впрочем. Да, в семье её бы прибили! Или зарезали. Из-за меня. Или из-за неё самой. Где это видано в Эфиопии, чтобы дочь и сестра становились лесбиянками?

Сколько я продержала её там? Минут пятнадцать? Полчаса? Я склонилась над ней. Её фигурку, наверное, с любовью вытачивал сам бог. Присев, я зарылась лицом в тоненькие, словно у семилетней девочки, эфиопские косички. От них исходил горьковатый запах. Незнакомый. Непонятно далёкий. Наверное, так пахнет Эфиопия.

— Я тебе не изменяла! — шмыгала она носом. — Кармон противен мне не меньше, чем тебе. Может, ещё и хуже. Я просто испугалась за нас обеих.

Сглотнув слюну, я сжала скулы. Потом чуть приподняла плачущую Мики.

— Ты — сильная. Я — нет...

Я прикрыла глаза и сжала с силой губы.

— Я перед тобой виновата, Мики, — выдавила я из себя, но он за это своё получит...

Мики уставилась на меня с испугом. В её золотистых глазах африканской газели появилась тревога.

— Норма, не сходи с ума! Кармон — известный адвокат. Политик. Был министром. И снова, наверное, им станет. Его все знают...

— Кус сохта...

Видение, поселившееся в моей голове, не исчезало. Хуже того — дразнило и напрягало. Его толстая самодовольная рожа. Взгляд оценщика. И странно контрастирующий с внешностью высокий мальчишеский голос. Все мои попытки избавиться от галлюцинации ни к чему не приводили.

Мозг работал на холостом ходу. Разговаривал с самим собой. Такая вот дихотомия сознания — двойное я. И вместо монолога — диалог. «Он — влиятельный и опасный скот, Норма!»... «Я тоже не овечка!»... «Он вспомнит тебе все твои существующие и несуществующие грехи!» «А я сломаю ему яйца!»... «Дура!»... «Забыла? У меня чёрный пояс!»... «А помнишь, что говорил тебе инструктор-кореец? Сила — не всегда выигрыш. Она может стать и проигрышем тоже»...

Уже потом я узнала, что Кармон начинал когда-то у себя, в Яффо,² как главарь местной шпаны. Ещё не уголовник, но и не так уж далеко от этого. Уверена, что кое-кто из его дружков и сейчас не вылезает из-за решётки.

Вот что, скажите, одних затягивает на дно, а других вбрасывает наверх? Раскаянье? Смешно! Прозрение? Да ладно! Страх? Тюрьма шпану не пугает: наоборот, они ею геройски хвастаются! На одном полюсе — наркота риска. На другом — пещерный инстинкт альфа-самца. «Я и Мне!» Про благородные мотивы не рассказывайте, не поверю! Проблема только в том, что и здесь — путь в никуда. Альфа-самец не способен на жертву: то есть, рискуя собой, защищать других. Ему важен только он сам! В результате все, кто слабее — детёныши, самки, старики, погибают. И он остаётся один. А зачем он тогда?

Интересная тема для исследования, а? Если бы я была психологом, я, пожалуй, ею бы занялась. Но я кончила лишь бруклинский колледж в Нью-Йорке, и ещё чуть больше полугода в Израильской армии...

— Норма! — Мика трясла меня.

² Яффо — южный пригород Тель-Авива, где живёт немало арабов.

Но я была далеко. Меня несло, как лодку в горном потоке. Тут не остановишься и не сманеврируешь. Рвущий ноздри ветер, скорость, острый привкус риска, удадь, невесомость. Меня даже зазнобило. А это — симптом начинающейся перегрузки. Сколько в ней «джи», я не знала. Но со мной это бывает.

2

— Норма, что ты задумала? Мало того, что тебя выгнали из лётного училища, а потом из армии?

Я с силой сжала челюсти. Так всегда, если я хочу пересилить внутреннюю тревогу и замешательство.

— Сейчас услышишь...

Я открыла айпэд. Мики следила за каждым моим движением. Компьютер включён. Поиск. Google. Курсор. Буквы... «Виктор Кармон, дантист». Нет, не то! Кармон Гита, Кармон Ариэль... О, «Кармон Сима». Судя по адресу, это его жена...

— Ты что, ненормальная?

— Каждый нормальный человек нормален лишь отчасти.

— Как это? Кто тебе сказал?

— Зигмунд Фрейд.

— Кто?

— Отец психоанализа.

— Чушь!

Мой голос в мобильнике звучал уверенно и твёрдо:

— Госпожа Кармон? Меня зовут Норма. Я хочу поговорить с вами о вашем муже.

— О ком?

Я сказала громче. Пару секунд молчания. Но таким, как кастетом. можно пробить башку.

— О вашем муже...

— Ну, ты даёшь, милочка! Ты что, одна из его поблядушек?

— Всё не совсем так, госпожа Кармон.

— Не совсем шлюх не бывает... Что тебе надо?

Мики съёжилась в углу. Но меня это только подстегнуло. На другом конце слышалось возмущённое дыхание.

— Тогда какое он к тебе имеет отношение, красавица?

— Садо-мазо, госпожа Кармон! Да и не красавица я...

— Что? — вдруг взвыла трубка на другом конце города.

— То, что слышали! Ваш муж предпочитал мазо...

Она, наверное, там задохнулась. Что-то в её горле хлюпнуло. Ещё бы — такое ведро с человеческим дерьмом в морду...

В ней явно боролись между собой сцепившиеся намертво чувства. Что-то подсказывало, что месть взяла верх. После удушливого молчания она наконец выдохнула:

— Хочешь встретиться?

Я убедилась, что была права.

— Не вижу необходимости...

— Тогда чего ты звонишь?

— Чтобы он к нам больше ни ногой.

Она, наверное, подумала, что я сейчас оборву разговор, потому что сразу запальчиво меня перебила.

— Слушай, не кипятись... Я ведь и заплатить могу...

Я ухмыльнулась вслух.

— Спасибо, не нуждаюсь...

Казалось, телефон в её руках раскалился. У меня, во всяком случае, даже начало жечь пальцы.

— Если позвонила, значит, ты умная баба. Дура бы звонить не стала.

— Это почему же?

— Да потому, что так наказать, как баба, ни один мужик не сможет.

Я хмыкнула. Интересное кино...

— Это вы обо мне или о себе? — съязвила я.

И у неё вырвалось — видно, уж очень ей хотелось его достать:

— Причём тут ты?

Ого! Мне стало ещё интересней.

— Достал? — спросила я.

Она не ответила.

— Бунт ангелов в раю?

Ссориться со мной ей явно было не в жилу.

— Представился случай...

— Я так и думала. Понимаю! Даже сочувствую! Ладно, но от меня что надо?

— Не по телефону...

Улыбка у меня вышла кривой...

Я пыталась понять, чего она хочет. Отомстить, конечно! Но как? Устроить скандал? Опозорить? Но ведь тогда он вышвырнет её из золотой клетки. И она останется ни с чем. Уже по-нашему с ней телефонному разговору я поняла, что она за птица.

3

Мы встретились в торговом центре в Модиине.³ Я наматывала круги по подземной стоянке, искала место. Если кто-то и выезжал, на его место, как насторожившаяся акула, бросалась уже поджидающая машина. Первые два часа стоянки бесплатные. Несколько этажей стекла и бетона. Ульев-бутиков не сосчитать. Всё равно что-нибудь да купишь! Но израильтянин поставит здесь машину, если даже и не собирается ни фига покупать: с чего это вдруг упускать что-нибудь.

Наконец, я нашла место. Быстренько сунулась, чтобы не опередили. И с подземной стоянки позвонила на её мобильник. Она уже ждала меня. В кафе «Роладин». Усмехнувшись, я пошла к входной двери и, показав сумку охраннику, поднялась на эскалаторе.

Её напряжённую спину я сразу вычислила. Обойдя несколько столиков, подошла к ней. На вид ей было лет сорок. Густые чёрные волосы были собраны сзади в хвост. Взгляд напряжённый, ничего хорошего не предвещающий. Губы крупные. Она ими поигрывала.

— Я — Норма, руку можете не протягивать, — опустилась я на стул рядом. Она, кстати, делать этого и не собиралась. В её глазах я, по-видимому, была ниже по статусу. Она ведь не кто-нибудь, а жена прожжённого адвоката, политика и бывшего министра.

К нам подошла официантка.

— Капучино, пожалуйста...

— А вам?

³ Модиин — новый город между Иерусалимом и Тель-Авивом.

— Двойной эспрессо. Холодный не приноси.

Я невольно улыбнулась. Как я себе и представляла, было в этой женщине что-то от секретарши, которая в своё время вышла замуж за босса. Такая вот печать во всём облике. Манеры, бойкость, ленивая кошачья грация. Подобные ей бабы не прочь заняться сексом, но он для них — не то, чтобы самое главное. Куда важнее чувствовать себя на высоте. Чтобы все вокруг это увидели и заткнулись. А это ведь — скрытый комплекс сцены. В каждой секретарше есть что-то от актрисы. Только вот не каждой на сцену выскочить.

— Окей, так чем могу быть полезной?

Она встрепенулась. По-видимому, её невыносимо жгло то, что она от меня услышала. В ней шла битва титанов: гонор против риска всё потерять. Жажда мести против страха перед последствиями. Кто победит?

Этот кобель обеспечил ей комфорт, о котором она мечтала с детства. В родительском доме, я уверена, его не было и не могло быть. Можно представить себе, как она завидовала подружкам из обеспеченных семей! Как мечтала сбежать от нужды и серости! И вот где-то в двадцать пять, наконец, ей попался на пути этот сорокалетний конкистадор. Да она готова была на всё что угодно, лишь бы его заполучить! Шла. И добилась! Рабыня, но у султана...

Благодаря ему, Кармону, она попала в узкий круг избранных. Ощутила себя дамой. Ещё бы — жена известного адвоката и политика. Ей бы пришлось ещё немало для этого потрудиться. Шлюха в постели, но старательная ученица в обществе. Такие бабы мужикам нравятся. С ними можно не стесняться и не церемониться. Если будет послушной и не станет надоедать, то можно, как собаку, и побаловать. А если зубы оскалит, то дёрнуть за ошейник: «К ноге, Альма, к ноге!» Но даже самая кроткая собака может при случае очень больно укусить.

— Не постеснялся...

Вот, что её беспокоит! Правда, я ей не очень верила.

— Видите ли, мадам, на самом деле люди — моралисты. Но это не мешает им быть куда более аморальными, чем можно себе представить.

- Такая умная?
- Заработала комплимент. Смешно!
- Это не я, это Фрейд.
- А! Так что, он мазо?
- Кто? Фрейд?
- Нет, Омри, мой муж. Кармон...

Она стиснула губы и замолчала. Лицо стянулось в жёсткую маску. Потом, словно исторгая из себя всё, что перед этим ела, спросила:

- И ты что, наручники на него надевала?
- Надевала!
- И лупила?
- Лупила...

Не хватало только, чтобы её сейчасхватила кондрашка.

- Вы в порядке?

Она пришла в себя. Лицо её каменело на глазах. Словно изнутри наливалось бетоном. Она прикусила губу и немножко подождала прежде, чем продолжить.

- Я хочу сделать это вместо тебя...
- Что?

Я даже вскрикнула от неожиданности.

Какое-то время я не была в состоянии произнести ни слова...

— Я заплачу... Хорошо заплачу... — голос её кипел. — Сколько захочешь... Ты ведь говорила, что ты лесби, а он трахнул твою подружку... Что? Неужто простишь?

Она высвободила во мне сжатую пружину. Ту, которую опасно освобождать. Голос продолжал кипеть.

Всё это могло обернуться для меня крупными неприятностями. Риск — дальше некуда. Но во мне уже началась перезагрузка. Руки напряглись, словно снова держали штурвал самолёта. Адреналин зашкаливал в крови, как в полёте. «Джи» за «Джи»⁴! Сверхзвуковые, естественно, я никогда не вела, но представляла себе, как там себя чувствуешь.

- Не думай, я всё подготовлю сама, и он меня не узнает.

⁴ Джи (g) — обозначение физической единицы ускорения свободного падения $g = 9,8 \text{ м/сек}^2$, характеризует перегрузки.

Я всё ещё не могла прийти в себя.

— Парик. Одежду. Только свет сделай послабее...

Я представляла себе, как ей не терпится. В конце концов, я и сама была бабой. Ей бы хоть раз в жизни из причёсанной и политой духами болонки стать львицей. Амазонкой. Ощутить своё собственное достоинство. Надеть на хозяина ошейник и, хлестнув плёткой, приставить к ноге. «Кармон, кобель, ты что, ещё получить хочешь?» Она уже себе, наверное, представляла, как сечёт его узловатой плёткой. А тот мычит, стонет, просит прекратить. Что, неплохая месть, правда? За все годы унижений и послушания.

Больше всего мне хотелось бы спросить её: «Ты ведь, кажется, назвала меня шлюхой, а? А кто из нас больше шлюха: ты или я? Я ведь ни за деньги, ни за комфорт, ни за звание жены никогда ни с кем не спала. А ты — пятнадцать лет подряд.

Все началось с того, что этот мордатый козёл тебе платил. Создал тебе жизнь, о которой ты мечтала. Летом — пляжи и бутики. Зимой — солярии и рестораны. Утром — домработница и кофе в постель. Вечером — тусовки и бриллиантовое кольцо на шее. На сколько он старше тебя? Может, скажешь, что ты любила его? Ещё бы! Шлюха тоже любит своего клиента, особенно богатого.

Она положила на стол конверт и поднялась. Я, наверное, должна была её окликнуть, но не стала. Я ведь её не заставляла. Она сама. По собственному желанию. Я-то здесь причём?

— В среду, — сказала я, — вечером, в половине десятого. Что у него обычно в это время? Партийная сходка? Встреча с избирателями?

4

Мики вышла из душевой голая, прикрыв голову полотенцем. Её кожа цвета светлого шоколада отсвечивала и искрилась водяными каплями. И я вдруг почувствовала, как всё во мне сжимается. Она уловила мой взгляд и улыбнулась. Потом лизнула язычком нижнюю губу и призывно прилегла на софу. Что-то поднималось во мне снизу вверх.

Толкало навстречу ей. Заставило, раздевшись, швырнуть одежду на пол.

Мики чуть-чуть выгнулась и откинула голову. Её раскрытые бёдра надвигались на меня как падающий вертолёт. Это был первый аккорд. Потом второй — прикосновение языка. Пока ещё осторожное. Вытягивающее. Настраивающее тело, как гитару. И эти руки — как перебор вздрогнувших струн.

Тело Микки приподнялось. Тихий вздох перешёл в постанывание, пока оно не вылилось в крещендо крика. И наконец — пронзительный свист пропеллера. Это я! Врезалась в оргазм, как в грунт. Вертолёт взорвался. Меня бросило вверх...

Оргазм — экзорцизм, а не награда. Человек рвётся в небо. К плазме творения. У мужчин он — как лава. Они ныряют в него, чтобы сгореть, но вынырнуть снова живыми. Как птица феникс. Ведь это, как ни парадоксально, тоже своего рода мазохизм. Скрытый, недопроявленный мазохизм силы. У женщин всё по-другому. Для них важнее не результат, а дорога к нему. Путь! Долгий, но какой-то при этом лёгкий, светлый и окрыляющий. Парад надежд и предвкушений. Там, вдали, спит глаза горячий снег вершины. Только вот добраться до него дано не всегда и не всем. Оксюморон? Может быть, но в нём вся загадка.

Но кто же там я?

Всё началось с моего единственного гетеросексуального опыта. Это было семь лет назад. Тренер по кун-фу велел мне остаться после тренировки. Сначала в шутку, а потом всерьёз он меня всё-таки изнасиловал. Не то, чтобы я ничего не сообщила, но на меня напал какой-то ступор. Видела всё со стороны и ждала, чем всё это закончится.

Я бы, наверное, могла его одолеть. Почему этого не сделала? Не знаю! Что-то было во всём от любопытства. От неизбежности. И ещё от одной попытки познать окружающий мир.

Только вот мир этот отбил у меня охоту посетить его ещё раз. Он пропах пивом, потом, жадной похотью и болью. А может, это была неосознанная попытка генов убедить меня, что он просто не для меня?

— Если пожалуешься, меня посадят, — хрипло выдавил из себя этот тридцатилетний маньяк. — Что это тебе даст? Вернёт целку? Зато ты теперь женщина.

Вот тогда-то я и двинула ему со всей силой. По яйцам. Он взвыл и орал, как взбесившийся мул. Потом, я слышала, его отвезли в больницу. Больше я его не видела. Но жаловаться он не стал. Свобода, видимо, показалась ему дороже яиц...

Секс — не жадная с голодухи, жратва! Не кусок хлеба с луком и колбасой, которыми набивают брюхо, чтобы потом откинуться в изнеможении. И не трение взбухшего пениса о вагину. Он единственная возможность для двоих стать единым целым. Слиться. Не только физически — мистически! Так для меня, во всяком случае. Я не жрица своей вагины. Мне плевать на корсеты морали. Быть лесбиянкой не извращение. Извращение — это скотоложство, педофилия или некрофилия. На крайний случай, — садизм.

— Скажи, Норма, тебе никогда не хотелось родиться парнем?

— С чего вдруг? — повела я плечами.

Мики пришла в себя. Её многочисленные искусно заплетённые косички взлохматились, и она рассматривала их в ручном зеркале.

Конечно, я сказала ей неправду, и теперь злилась на себя, как девчонка. Хотелось, ещё как хотелось! Может, поэтому я и стала назло себе лесбиянкой?

Кто в этом больше виноват: случайная путаница в генетическом коде или моя вывихнутая семья? Не знаю. Да ни один высоколобый психоаналитик на этот вопрос не ответит. А если ответит — соврёт...

Я ведь отца своего никогда не видела. О нём упоминали только изредка. Как о чём-то неприятном и недостойном. А вот во мне он жил. Где-то внутри. Как птица в клетке. Только на волю эту птицу я выпускала очень редко. Не хотела никому показывать. Делиться ею. Она была моя, и я никому бы её не отдала. Только не было ни одного дня, чтобы я себя не спросила: где ты там, мой непутёвый отец? Почему ни разу не спросил обо мне? Не взял на колени? Не улыбнулся?

Не прижал к себе? Не оставил печать поцелуя? Ведь я столько о тебе думала, так надеялась, так ждала...

Чаще всего его вспоминала моя бабушка, мама моей матери. Я называла её по-английски гранма.⁵ По её словам, он был неотёсанным и наглым прощельгой и позёром.

— Такой, знаешь, — говорила она, — с огненным взором и копеечной душой. Восточный провинциал! Приехал из какой-то израильской дыры покорять мир в Штаты. Крутился здесь после армии. «Я! Я! Вы ещё увидите! Миллионы сделаю!»

Гранма даже смешно поигрывала плечами, изображая набитого амбициями пустышку.

— Подрабатывал случайными заработками. То постеры в моллах продаёт, то что-то подвозит кому-нибудь. Твоя мать как увидела его, так и прилипла к нему. Ну, а когда обнаружила, что беременна, он исчез и не оставил следов. Хоть бы раз дочкой поинтересовался...

Гранма — ещё тот бабец! В своё время она была училкой в районной музыкальной школе в Москве. Мой прадед, её отец, был довольно способным инженером, погиб во Второй мировой войне. Мать шила, — ещё её, еврейку с дипломом искусствоведа, не хватало в Эрмитаж на работу брать!

Музыкально образованная гранма росла в затхлой питерской коммуналке. Уборная в конце коридора с толчком на шестнадцать задниц. Общий звонок в дверь с четырьмя грозными предупреждениями: «Ивановы — один звонок, Петровы — два, Сидоровы — три, Блехманы — четыре». Праздничным шиком считалась колбаса из крахмала со звучным диетическим названием «Докторская», а особым везением — купленные в универмаге чешские туфли.

С одной стороны, это позволяло ей ощущать себя жестоко отторгнутой частью просвещённой элиты. С другой, закусив губы, она зачитывалась яркими номерами, лакированную обложку журнала «Америка», который дарили её матери номенклатурные клиентки.

С юных лет великолепие этого издания было для гранма воплощением заветной мечты. Визой в другую, «настоящую»

⁵ Grandmother.

жизнь. Это и толкнуло её чуть позже, несмотря на наличие других кавалеров, выйти замуж за деда. Он ведь был сыном польского ювелира из Львова. А в России оказался после заключения пакта между Риббентропом и Молотовым. Семью, естественно, выслали как буржуазный элемент то ли в Киргизию, то ли в Казахстан. Я и сама ведь в той допотопной географии не очень разбираюсь. Деда эта ссылка спасла от газовой камеры, но не от гранма! Я же, честно говоря, ещё не решила, что лучше.

Она как услышала, что он собирается перебраться в Польшу, откуда сам родом, так и не отцепилась от него.

Когда деду было четырнадцать, а моей тётке Мирьям, его сестре, четыре года, он, мальчишка, которому прочили блестящую карьеру пианиста, пошёл работать на табачную фабрику. Вместе с отцом и матерью жили, конечно, очень хреново. Родители часто болели. И если бы дед не подрядился играть в привокзальном ресторане, наверное, голодали бы.

Сначала его воспринимали как циркового бобика, который делает на арене стойку. Пацанёнок! Эдакий чёрный цыганистый малец с лихорадочными глазами извечного мученика. Но уже через месяц он стал неременным членом крохотного полуподпольного джаз-банда. Вокзал был единственным местом, где можно было услышать запрещённую музыку.

Люди приходили туда не столько даже послушать джаз, сколько «съездить за границу». Ведь атмосфера там была как где-нибудь в довоенной Польше, Чехословакии или Румынии. Оркестранты в потрёпанных, но всегда отутюженных костюмах. Сильно поношенные, но начищенные, как зеркала, туфли. Невиданные раньше галстуки-бабочки. Переливы саксофона. Синкопический темп пианино. Шальной стук барабана. И ещё эта воистину неслыханная и невиданная здесь манера раскованно держаться на крохотной сцене! Просто обалдеть: разгул свободы! Империалистический разврат! Где-нибудь в европейской части России, говорила мне гранма, подобную диверсию давно бы разоблачили, а диверсантов-музыкантов отправили бы на лесоразработки в ГУЛАГ. Самое смешное,

что мелодии в большинстве случаев импровизировал и аранжировал на месте сам дед.

Дирекция ресторана перевыполняла план на сотни процентов и щедро платила партийным властям, милиции и прокуратуре. Зачем же надо было прикрывать такой золотосный пласт? Наоборот, его следовало охранять и разрабатывать.

В двадцать лет мой дед Давид остался единственным кормильцем и поильцем десятилетней сестры, родителей похоронили. Они снимали комнату у вдовы влиятельного вельможи. Дед даже пошёл учиться в местную консерваторию. Зарабатывал теперь тем, что писал песни и даже кое-что посерьёзней — кантаты и всё такое прочее. Всё это он продавал не очень плодовитым, но уже известным композиторам. Негр от музыки. Эмигрант в кухне искусства...

Так или иначе, но он дал возможность сестре не только окончить школу, но и поступить на медицинский факультет. И она потом перетащила его в Москву. Вернее, в Московскую область. Её взяли туда на работу врачом скорой помощи. Оба жили одной мыслью — оформить документы и уехать. Сначала в Польшу, потом — куда угодно.

С гранма его познакомили и сосватали местные евреи. Она жила в Москве, и считалось, что брак даст ему возможность получить московскую прописку. Гранма было тогда уже под тридцать. Сестра деда, которая её всю жизнь пламенно ненавидела, рассказывала, что гранма легла под деда уже на вторую неделю знакомства. А ещё через пару месяцев принесла справку от врача, что она беременна. Дед такого напора слёз и обмороков не выдержал, и срочно с ней зарегистрировался. Так что документы на выезд как польским гражданам им пришлось подавать уже втроём. Свою мать гранма оставила в Москве. Та уезжать в неизвестность наотрез отказалась. Она и не подозревала, что её влиятельные клиентки вскоре перестанут шить у неё платья. Они станут получать их из-за границы.

А ещё сестра деда была уверена, что гранма знала про закопанную во Львове её мудрыми родителями ювелирную заначку. И что именно это и сыграло основную роль

в её беременности и рождении моей матери. Чтобы закончить неприятный экскурс в семейную биографию, я лишь добавлю, что деревянная коробка, как оказалось, с не бог весть какими драгоценностями, и вправду была доставлена в Москву. Но способ вывезти её за бугор придумала сама гранма.

Перед проверкой на таможне она приняла лекарство против поноса и проглотила несколько бриллиантов. Ей пришлось терпеть до самой Варшавы. В поезде прокакаться было совершенно невыносимо. Представляю, как потом это сокровище вытаскивали из дерьма. А ведь при отъезде из Польши операцию эту пришлось повторить!

На бриллианты из заначки дед купил в Бруклине длинную и неуклюжую квартиру на первом этаже таунхауса. А остальные деньги — их было очень немного — тайно отдал своей сестре и моей тётке Мирьям. Ей надо было протянуть, пока она не получит лицензию американского врача.

— Эта сука, — ругалась тётка, — иначе она гранма не называла, — довела его тем, что он должен стать агентом по продаже недвижимости. С утра до вечера топила его в слезах и упрёках. «Оставь свои занятия музыкой. Ты же видишь, что ничего у тебя не получается. У тебя — жена и крохотная дочь! Займись делом!» И он от неё сбежал. Не мог не сбежать. Куда угодно, то ли в Южную Африку на алмазные прииски, то ли в Намибию. Там его и убили...

Тётка Мирьям была высокой и худой старухой. Сидящую свою она никогда не красила. А взгляда её побаивались не только больные, но и работавшие под её руководством врачи. Если её нижняя губа начинала едва заметно дёргаться, на обходе наступала мёртвая тишина. Это значило, что профессор Мэри Блехман чем-то недовольна. Курила она беспрестанно, даже ночью. Зажигала сигарету от сигареты. И матюгалась по-русски. Все делали вид, что не слышат и не понимают.

— Твоя курва-бабка, — дымила она, стоя у окна своей квартиры на шестом этаже на углу Пятой Авеню и 89-й улицы, — виновата в его смерти. Угробила гения, старая гнида! Единственно, от чего мне легче, что Давид хотя бы, умер

свободным! Знаешь, какое он оставил завещание? Хочешь жить, как собака, а умереть, как человек? Женись! Хочешь жить, как человек, а умереть, как собака? Не женись!

5

— Норма, она придёт сегодня?

— Кто? — спросила я, как будто не знала, о чём она говорит.

— Жена Кармона.

Я кивнула.

— Ты не боишься?

— С чего это вдруг?

— А если догадается?

— Пусть догадывается...

— Это твоё упрямство... Забыла, как тебя вышвырнули из лётной школы, а потом из армии вообще?... Знаешь, сколько у него везде связей? Он же нас со свету сживёт...

— Тебя же дома не будет, Мики. Ты ведь с Наташей договорилась? Ну и переночуй у неё.

— А ты?

— Обо мне не беспокойся.

— Всю нашу репутацию он в две минуты разрушит...

— Вообще-то, репутация самый гнилой товар на свете.

В стереотипном смысле этого слова Мики — настоящая женщина. На что-то решительное сама по себе она просто не способна. Нужно, чтобы кто-то её подталкивал, тащил за собой. Странно, но это не касается вкуса. Здесь она абсолютно самостоятельна. И это притягивает к ней клиенток. Мы открыли парикмахерскую только пять месяцев назад, но клиентки от неё уже без ума. Руки у неё как у скульптора: всё время что-то творят. Причёмски, которые она делает, даже самые незамысловатые, — произведение искусства.

Я вернулась к чтению учебника. Поступила в «открытый университет», вроде заочного. Собиралась в кратчайшее время сделать магистерскую диссертацию.

Мики виновато посмотрела на меня. Кажется, я её достала. И, чтобы отвлечь меня от моих мыслей, вдруг спросила:

— Слушай, а почему у тебя такое имя, — Норма?

— В Америке Норм — миллион...

— Нет, правда?

Она меня рассмешила.

— Гранма обожала оперу.

— Оперу? Твоё имя — название оперы?

— В общем, — да! Её сочинил Беллини — известный композитор-итальянец. По сюжету — прямо триллер. Музыкальный, конечно. Верховная жрица друидов во имя любви к римскому проконсулу нарушает данный ею обет. А этот сукин сын взял и бросил её ради другой...

Во взоре Мики появилось лукавое недоверие.

— Кто такие друиды? И что за обет такой?

— Друиды? До французов на территории Франции жили кельты. Их жрецы назывались друидами. А жрицы давали обет безбрачия, — поморщилась я.

Мики рассматривала в зеркальце свой кокетливый язычок. Он быстро-быстро двигался от одного угла губ к другому. Видимо, это ей нравилось.

— Ну и нарушила! И что? Она одна такая?

Цинизм в ней всегда какой-то лёгкий, беспечный. Как и вся она сама очаровательная абиссинская богиня. Ну что за бестактность! Меня это слегка шокировало. Ничего не поделаешь, — разная ментальность.

— Её приговорили к сожжению на костре.

Глаза у Мики округлились:

— Это за что? За то, что она с ним потрахалась?

Немая сцена.

— А он?

— Пошёл вместе с ней на костёр...

— Так не бывает! Не бывает! — с насмешливой изящностью Мики положила зеркальце на стол и улыбнулась мне.

Я не стала продолжать...

Впрочем, сама я сильно сомневаюсь, что Нормой я стала из-за страсти гранма к опере. Первой, кто подверг сомнению музыкальную версию, была сестра моего пропавшего деда Мирьям. Я уже говорила: эффектная была старуха! Высокая, чуть сторбленная, слегка мужеподобная. Лицо некрасивое, но такое, какое надолго запоминается. И взгляд — долгий,

пристальный. Поймав его, можно было подумать, что она в тебе что-то заприметила. И уж такое, о чём ты сама не по-дозревала.

— Про имя твоё тебе эта старая сука наплела? — спросила меня она однажды. Ох и ненавидела же она гранма!

Я не стала отвечать.

— Ни одному её слову не верь! Врёт! Всё у неё — враньё! Выдумка! Спектакль! Главное — покрасоваться! Выпендрить свою мелкую говённую душонку. Тоже мне, романтическая особа! Для неё романтика, как геморрой для жопы.

По-русски Мирьям матюгалась, как водители скорой помощи, где она в молодости работала, ещё когда жила в Москве.

Но разгадала, в конце концов, тайну своего имени я сама. Дело в том, что для гранма, а потом и для моей матери слово «норма» играло почти магическую роль. Этаким талисман! Билет в другую, счастливую жизнь. Ведь сама она никогда счастлива не была. Да, наверное, и не могла быть. Из-за своего дерьмового характера. Гранма отравляла жизнь не только деду и близким, но и самой себе в не меньшей степени. Даже мне хотя она, не колеблясь, отдала бы за меня свою жизнь. Я была к ней не столько, пожалуй, привязана, сколько её инстинктивно жалела. Лицо её всегда напоминало погребальную маску. А люди не хотят жить рядом с живыми трупами. Только поняла я это всё куда позже...

Детство сказывается на характере каждого человека, как увечье. И если оно было унылым и в постоянной нужде, оставалось два выбора. Либо загнать его прошлое в подкорку, чтобы оно потом не ныло, как больной зуб, всю последующую жизнь, либо безжалостно вырвать из памяти. Заставить себя забыть о нём. Построить судьбу так, словно она принадлежала кому-то другому, не тебе.

Даже через много лет жизни в Америке гранма так и не стала говорить по-английски правильно. Зато американский образ жизни восприняла как божественную заповедь. И такую нельзя нарушать даже под страхом смерти.

— Главное, — внушала она мне без конца и без усталости, — не быть хуже других. Как все вокруг! Стараться быть даже лучше. Преуспеть! Такое, конечно, не всем даётся, но ты пе-

ресиль себя, если нужно. Ничего страшного! У успеха — свои вкусы. Присмотрись, пойми, повтори! Отклонишься? Пеняй на себя!

Как и для всех среднестатистических иммигрантов, успех был для гранма чем-то вроде божества, а норма — религиозным таинством. Она пыталась вбить эти комплексы и в сознание своей дочери Лили, моей матери. Но та была уже типичной взбалмошной американкой, и у гранма, понятно, ничего не вышло. Достаточно вспомнить об её зажигательном блиц-романе с моим непутёвым отцом. Видимо, поэтому, потерпев сокрушительное фиаско, гранма с такой ядерной энергией и страстью принялась спасать меня.

Я жила у неё с семи лет. С настоящим мужем моей матери отношения у меня с самого начала не складывались, и гранма взяла меня к себе. Думаю, у матери это вызвало вздох облегчения, хотя не обошлось и без слёз самобичевания. Но у таких, как она, натур слёзы высыхают довольно быстро.

Гранма любила меня без ума. Да и кто у неё, кроме меня, был? Дочь? Да ладно! У неё свои дети, которых гранма, если и видела, то в лучшем случае раз в полгода, и то — почти тайком. Мистер Донахью, муж моей матери, гранма на дух не переносил. Так что я была единственной надеждой, которая тоже обернулась для неё сплошным разочарованием.

Что только она не предпринимала, чтобы сделать из меня саму себя, но в сто раз лучше! Пробовала учить музыке, но я брыкалась. Водила на танцы, но я назло ей двигалась неуклюже как медвежонок. Отдавала в школу живописи — меня оттуда со скандалом выперли. Приглашала домой старую перечницу, которая учила меня читать и говорить по-русски, но я ей хамила и не делала уроков. Гранма всё это терпела и плакала, потому что едва она пыталась меня унять, я сразу же сбегала к тётке Мирьям.

В «сумасшедшем доме», где я росла, было три не переносящих друг друга, но самых родных мне «пациента». Мать, которая вынуждена была уступить меня гранма, иначе бы её личная жизнь кончилась тем же, что и в первый раз — одиночеством. Сама гранма и тётка Мирьям. Сестра деда сожгла свою жизнь на костре науки, не найдя никакого смысла ни

в семье, ни в любви, ни в удовольствиях. Что касается бабушки, то, будучи продуктом московской коммуналки, она не могла не ненавидеть свою золовку. Та была для неё, видевшей повсюду лишь злопахательство, зависть и подвох, символом свободы, то есть того, чего она в жизни боялась больше всего.

Уродство окружающей обстановки я чувствовала с ранних лет. Но её ломающая всё вокруг центрифуга не отпускала меня, швыряя в разные стороны. Мать с её неразрешимым чувством вины и раздвоенностью между мной, отчимом и их совместными детьми. Гранма с её дремучим инстинктом самосохранения и страхом перед зловещей неизбежностью чёрного дня. Тётка Мирьям с её ставшей дыбом принципиальностью и гонором. Как же я всё это ненавидела!

Во мне всё бурлило, протестовало, толкало в сторону! Какая тут, к чёртовой матери, норма? Одно сплошное отклонение от неё! Я хотела быть самой собой, непохожей! Только освободиться от её калечащих кандалов было не так-то просто...

В пятнадцать я считала норму кретинизмом. В двадцать — агонией индивидуальности. Ведь смысл её зачастую размыт, как капля краски в тазу с водой. Да и что, скажите, ею считать? Желания? Инстинкты? Или навязанную реальность? Разве они не противоречат друг другу, как уловка и уголовный кодекс? Либо то, либо другое! Попробуйте совместить первозданный грех и ангельскую непорочность.

Но с возрастом человек меняется. И вместе с ним его химия. Что на что больше влияет — физиология на психологию или психология на физиологию, не знаю. Но что-то в тебе ржавеет. Повзрослев, я вынуждена была признать, что смысл нормы — быть границей между порядком и беспорядком. И обойтись без неё ни одно человеческое общество не в состоянии. Только представить себе, что произойдёт, если порядок исчезнет! Но на самом деле она никакая не граница, а лишь принцип. Направление, но не сам путь. Потому что, если ею пользоваться, как автострадой, она приведёт к тяжелейшим авариям. Творчество перечеркнёт бюрократизм, мотор станет тормозом. А ваша норма, ощутив свою безна-

казанность и мощь, из простушки Золушки превратится в самодержицу. Злобную и капризную тварь.

Меня лично больше всего бесит, что при этом она предпочитает изображать из себя Жанну д'Арк, Мать Терезу или готовую на жертвы гидессу в кишаших притаившимися опасностями джунглях. Вы — лишь наивные и неопытные туристы, а она вас бестрепетно охраняет и ведёт безопасными тропами. А потому в сторону не отходить, ни к чему не прикасаться и ни на что не наступать: вокруг кровожадные хищники и мелкие гады.

Но джунгли эти в девяноста случаях из ста — вымышленные. Как сейчас говорят, — виртуальные. Следствие средне-статистической, ограниченности. Страха перед неизвестным, лени и ограниченности ума. Если задуматься, — суть нормы убога до скуки.

6

Мики ушла за час до того, как должен был появиться Кармон. Так что Кармоншу она даже и не увидела.

Стемнело. В низких облаках карабкалась луна. В окне, как дорогие шлюхи, подмигивали огни. Я слышала шорох вскипающего на плите кофе, но с трудом заставила себя подойти и погасить конфорку. Свет не зажигала. Внезапно послышался звонок в дверь. Резкий, дребезжащий. Я повернула защёлку на замке. На пороге стояла Сима Кармон.

Вначале я её не узнала. Парик, огромные тёмные очки, плащ. И ядовито-фиолетовые губы. Я отступила от двери и дала ей войти.

— Узнаёшь?

— Да уж... — вышло у меня это несколько растерянно.

— Я готова.

Она начала снимать плащ.

— Можно где-нибудь переодеться?

— Вон там, в спальне, — показала я на дверь. — Ванная нужна? Это слева, рядом.

Её не было минут пятнадцать — двадцать. Меня не покидало скверное предчувствие. Какого чёрта я ввязалась в эту

историю? Недаром гранма меня иначе как бунтаркой не называла. Не то, чтобы я испугалась, — нет! Просто что-то мерзко скребло на душе.

С раннего детства я инстинктивно использовала вражду двух самых близких мне старух в свою пользу. Играла ими. Замечали ли это они? Думаю, скорей всего, да. Но ненависть их друг к другу была настолько сильна, что стоило мне сказать «хочу», как, получив отказ у одной, я тут же убегала к другой.

Девчонки меня не очень любили. Да и привлекательной я не была настолько, чтобы меня зазывали в тусовочные компании. Естественно, в отместку я старалась быть поближе к мальчишкам. Вначале это вызывало лишь насмешки, но постепенно ко мне привыкли. Несмотря на протесты гранма, я стала заниматься каратэ.

— Ты же девочка, зачем это тебе? Лучше научись играть на пианино или танцевать!

Тётка Мирьям, услышав об этом, лишь хмыкнула:

— Даже не сомневайся! Иди на курсы каратэ. Сколько я за это должна платить?

Мой первый тренер меня обожал. Говорил, что когда-нибудь я стану чемпионкой и он будет мною гордиться. Тётке Мирьям он сказал, что у меня какая-то недетская настойчивость и упрямство. Это, мол, очень важно в спорте. Но у меня был свой секрет, который я никому не доверяла. Если я на соревнованиях против кого-то выступала, то представляла себе, что это — мистер Донахью или мой непутёвый, не желающий меня знать отец. Правда, в моих фантазиях отца мне почему-то всегда становилось жаль, и всё кончалось тем, что он начинал раскаиваться, а я его прощала. После этого мы вместе отправлялись на один из экзотических карибских островов. И там он катал меня на парусной лодке.

С мальчишками мне было проще. Они не манерничали и не сплетничали. Их отношение ко мне изменилось, когда я пару раз демонстративно швырнула на пол самого сильного из них. Я играла с ними в баскетбол и старалась не отстать в беге...

В двери показалась Кармонша. Боже мой! Никакая шлюха в Тель-Барухе⁶ в Тель-Авиве не посмела бы одеться так, как она. Её либо разорвали бы на куски извращенцы и наркоманы, либо через пару минут сунули в фургон полицейские. Это же надо! Чёрная с жёлтыми полосами открытая кофта с выпирающими наружу сиськами и голыми руками. Плотно обтягивающие ляжки тайцы. Ботфорты чуть не до ягодич. Ярко-красная маска на морде. И не рот, а пещера, в которую запросто поместился бы здоровенный кулак.

Я присвистнула:

— Ну и ну! Вы меня перещеголяли!

Она поморщилась. Ссориться со мной было не в её интересах. Ни слова не произнесла в ответ, стала выкладывать из сумки на стол приобретённое имущество. Перчатки пурпурного цвета. Наручники — фиксаторы для рук и ног. Латексная плётка с ручкой в 18,5 сантиметров. Ошейник...

Ну и достал же её Кармон её, если она пошла на такое! Это даже не бунт — война на уничтожение. Не просто месть — убийство и расчленение ненавистного трупа!

Вот как, скажите, как могла такая баба трахаться с мужиком, если она его в глубине души ненавидела? Уверена, что она проигрывала в воображении сценарии мести всякий раз, когда он в неё врубался. А вообще, восточные бабы — народ мстительный.

— А что, крюки там у вас в спальне над кроватью, чтобы мужиков привязывать?

— Ваш муж это очень любит, — холодно произнесла я.

Кармонша вздрогнула. По губам пробежала невольная гримаса.

— Сексуальные патологии — результат травмированного детства, — подсекла я её как соперницу на соревновании.

Кармонша промолчала, только сжала губы. Видно, поняла: чтобы противостоять мне, нужно подстроиться к моим правилам игры.

— Я смотрю, у вас большой опыт...

Я скосила на неё взгляд. Вы только на неё поглядите!

⁶ Тель-Барух — злачный район Тель-Авива.

— Видите ли, боль иногда приносит человеку не меньшее наслаждение, чем радость. Кто-то заставил вас, к примеру, страдать. А вы в ответ — причиняете ему боль. И получаете от этого удовольствие.

Во взгляде Кармонши свозило недоумение. Может быть, даже испуг. Э, милочка, — растерялась?! Ещё бы! Ведь у тебя не было тётки, для которой людские страдания были с одной стороны пыткой, а с другой — надеждой от них избавиться. Всю свою жизнь онкология была для неё богом, а она — его верной и страстной жрицей. Как та, у кельтов, в беллиниевской «Норме». Только вот изменить обету она так и не посмела. Осталась без личной жизни и без семьи. Никаких радостей, кроме науки.

Единственным близким человеком для тётки Мирьям была я. Но я не могла дать ей и сотой части той теплоты и того участия, в которых она так нуждалась. Неужели вся её жизнь была одним сплошным разочарованием.

— Эротика и насилие, — снова огорошила я Кармоншу, — неразрывно связаны. Возьмите, к примеру, — оргазм. Вы ведь наслаждаетесь не только от обладания, но и от боли. Парадокс, а?

Кармонша смотрела на меня, как будто я была пришельцем с другой планеты. А может, для неё так это и было?

Я воспользовалась её озадаченностью.

— В химии секса, — с умным видом изрекла я, — инстинкт обладания и муки, как цена за него, могут потом менять знак. Плюс на минус и наоборот.

— Начиталась, — разозлённо выдохнула она. — Что ты о себе думаешь?

И в это время раздался продолжительный звонок в дверь...

Кармонша напряглась. Я показала ей рукой на крохотную комнатку без окна, в которой мы с Мики держали своё барахло. В Израиле её называют «шкафом». Потом подошла к верхней полке на кухне и вытащила начатую пачку сигарет «Филлип Морис». Курила я редко. Когда нервничала.

Прозвучали ещё два коротких звонка: Кармон!

Я открыла дверь. Он улыбался. Оценивающий взгляд скользнул по моей короткой юбочке и талии. Остановился на

пару секунд на приклеенных ногтях ядовито чёрного цвета. Толстые губы причмокнули, а двойной подбородок дрогнул в насмешливой ухмылке.

— Соскучилась?

— Всю ночь не спала. Ждала. Волновалась...

Вот ничего не скажешь: впечатление он всё-таки может произвести. Что-то есть во всей его повадке властное, жадное, зовущее, более того — подчиняющее. Вот он улыбнулся, и я невольно подумала: а ведь сколько в его улыбке обаяния, сколько свободы и радости.

Кармон прошёл в комнату. Я ещё даже не успела зажечь сигарету.

— Оставь! — бросил он. — Ещё успеешь. Ты ведь знаешь, что я не курю. Не выношу запаха табака.

Я положила сигарету на стол. Он на секунду остановился и осмотрел комнату быстрым взглядом. Что-то ему не понравилось или встревожило его. Он насторожился и даже чуть-чуть нахмурился. Стал принюхиваться. Ноздри его слегка зашевелились, губы сжались. Что это с ним? До меня вдруг дошло: он уловил знакомый запах. Вот курва! Глаза его вдруг из серых стали почти чёрными.

— Моя жена была у тебя?

Я невольно моргнула.

— Эй! Я тебя спрашиваю!

Я стояла, скрестив руки на груди. Не отвечала.

— Она была здесь? И может, ещё здесь? А?!

Голос его стегал. Не слова — плети. Не тембр — острые шипы.

Прожегши меня взглядом, он быстрым шагом прошёл к спальне. Заглянул на кухню. И решительно двинулся в шкафную комнату.

Это был конец...

Нет, — только начало...

Мне послышался голос гранма: «Ты со своим дурацким бунтарством всегда вляпываешься в какие-то истории, а потом тебя надо спасать!»

Она была права. У меня перехватило горло. Сколько бы я дала, чтобы услышать её наяву...

ЛЕВАНТИЙСКАЯ РАПСОДИЯ

Роман «Левантийская рапсодия» — психологический детектив, где герои втянуты в конфликт между тем, что можно и что нельзя делать в современном обществе.

Действие происходит в Израиле, где главная героиня обвиняется в том, чего она не совершала, — в использовании запрещённых наркотиков. Её обвинителем по воле случая становится модный адвокат, в прошлом — министр, который решил расправиться со своей женой, узнавшей о его тайных увлечениях.

Где истина и как связаны правда и сексуальность — основные вопросы, на которые отвечает сюжет романа.

ЗОРИЙ ШОХИН — советский и израильский журналист, публицист, писатель, автор высоко оцененных романов и рассказов на русском языке. По образованию инженер-геолог. Печататься стал в середине шестидесятых годов, тогда же стал заниматься журналистикой. За долгие годы работы в прессе автор опубликовал множество литературных эссе и очерков. Его рассказы печатались в газетах, журналах «Смена», «Советский экран», выходили в различных сборниках. В последние годы жизни в СССР работал в Москве в «Литературной газете».

В 1974 году эмигрировал в Израиль, был одним из ведущих журналистов на русском языке. Сотрудничал с журналом «Посев» (Германия), газетами «Панорама» (Лос-Анджелес), «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Все годы работы в журналистике и на писательском поприще его отличали уникальный стиль и глубоко проработанная проза, дающая читателям пищу для размышлений. Им опубликованы два сборника рассказов и шесть романов.

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-950319-84-8

9 781950 319848